

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2012

№ 2 (18)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. Полный "Перечень..." (редакция: 26 марта 2010 г.)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович – председатель научной редакции, профессор, д.и.н., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета, тел. **529-796, 529-836** e-mail: vpz@tsu.ru; **Грибовский Михаил Викторович** – ответственный секретарь, доцент, к.и.н.; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д.и.н., профессор; **Ларьков Николай Семёнович**, профессор, д.и.н., зав. кафедрой истории и документоведения; **Могильницкий Борис Георгиевич**, профессор, д.и.н.; **Румянцев Владимир Петрович**, доцент, д.и.н., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, доцент, к.и.н., зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, профессор, д.и.н., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, профессор, д.и.н.; **Черняк Эдуард Исаакович**, профессор, д.и.н., зав. кафедрой музеологии; **Чиндина Людмила Александровна**, профессор, д.и.н.; **Шерстова Людмила Ивановна**, профессор, д.и.н., зав. кафедрой востоковедения, **Шиловский Михаил Викторович**, профессор, д.и.н., зав. кафедрой истории России Новосибирского университета.

VI. ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902.63

А.А. Пушкарев

МЕТОДИКА ДАТИРОВКИ ПОГРЕБЕНИЙ С НУМИЗМАТИЧЕСКИМИ НАХОДКАМИ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVI–XIX ВВ.

Рассматривается методика датировки погребений с монетами и счетными жетонами из могильников Западной Сибири XVI–XIX вв. Выделяются и описываются основные этапы процедуры датировки: определение даты чеканки нумизматических находок, периода хождения, времени доставки в Западную Сибирь и обращения в культуре аборигенного населения. Данное исследование является одним из этапов построения дробной хронологии погребальных памятников Западной Сибири XVI–XIX вв.

Ключевые слова: археология, методика датировки, погребальные памятники, позднее Средневековье, Западная Сибирь.

В исследованиях последнего десятилетия уже неоднократно поднимался вопрос о необходимости детального изучения проблем датировки погребальных археологических комплексов конца XVI–XIX в. на территории Западной Сибири [1. С. 120; 2; 3. С. 148]. На первый взгляд при изучении памятников данного периода имеется достаточно возможностей для разработки детальной хронологии: использование письменных источников, нумизматических находок для датировки и др. Однако все эти возможности имеют свои ограничения, которые необходимо учитывать при определении дат археологических объектов.

Основная проблема создания дробной хронологии для археологических комплексов конца XVI–XIX в. заключается в том, что подавляющее большинство категорий инвентаря могильников этого периода, в том числе и предметы массового русского импорта, имеют очень широкую датировку, в пределах трех и более веков. Практически единственным узко датирующим материалом для памятников исследуемого периода являются нумизматические находки – монеты и счетные жетоны.

К сожалению, погребения с нумизматическими находками в могильниках Западной Сибири встречаются достаточно редко и составляют в среднем не более 10% от общего числа захоронений. Однако при фактическом отсутствии данных других методов определения возраста (радиоуглеродный анализ) материал этих погребений является эталонным при датировании остальных комплексов, не содержащих нумизматических находок. Процедура датировки погребений с нумизматическими находками из могильников Западной Сибири XVI–XIX вв. практически не прорабатывалась как отдельный объект исследования. В связи с этим фактически от-

сутствует общая методика датировки погребальных комплексов данного типа.

Датировка погребений с нумизматическими находками представляет достаточно сложную, многоуровневую процедуру, которая требует особой тщательности. С этой целью мы разделили всю процедуру датировки на два уровня: датировку самих нумизматических источников и датировку погребений, в которых они были обнаружены. На практике даты на этих уровнях могут достаточно сильно различаться, и поэтому необходимо подробно рассмотреть каждый из них по отдельности. Также мы разделили процедуры датировки монет и счетных жетонов, так как они имеют свои специфические особенности.

Счетные жетоны являются оригинальной категорией инвентаря могильников Западной Сибири XVI–XIX вв. Они поставлялись достаточно крупными партиями из Европы в Россию, после чего жетоны следовали в Сибирь, где купцы обменивали их на товары, которые предлагали сибирские аборигены. Для рассмотрения вопросов датировки счетных жетонов необходимо сделать небольшой экскурс в их историю, чтобы глубже понять специфику данного вида источников.

Термин «счетный жетон» заимствован от французского слова «jeter» – толкать, пихать, так как жетоны толкали, двигали по специальной доске (абакус) во время счета. По внешнему облику счетные жетоны похожи на обычные монеты, иногда встречаются практически идентичные им по изображению экземпляры жетонов, но они имеют несколько важных отличий. Во-первых, жетоны чеканились из неблагородных металлов (медь, латунь). Во-вторых, на счетных жетонах практически всегда присутствует информация о мастере, который его чеканил. В-третьих, на жетоне, в от-

личие от монеты, нет обозначения номинала [4]. Счетные жетоны использовались в средневековой Европе как инструмент математического счета. Они оформлялись в соответствии со вкусами Средневековья, содержали надписи и различные изображения. Оформление жетонов всегда имело определенную цель, иногда религиозную, но в основном, имея хождение среди широких кругов населения, они служили носителями информации.

В конце XVI в. роль счетных жетонов изменяется. С распространением арабских чисел появляются письменные методы счета, и необходимость в жетонах для осуществления математических операций отпадает. Однако даже после того, как счетные пфенниги¹ утратили свое прямое назначение, их продолжали чеканить и использовали в качестве игральных марок. Кроме того, в XVI в. жетоны нередко использовались для пропаганды определенных политических лозунгов, идей, а также для прославления деяний какого-либо монарха. Именно эта сторона использования жетонов значительно продлила им жизнь [5. С. 17].

Все счетные жетоны, обнаруженные на археологических памятниках Западной Сибири, происходят из Германии, а точнее из города Нюрнберга. В Германии жетоны появились достаточно поздно. Первые упоминания о счете с помощью жетонов относятся к 1399 г. в городе Франкфурте. С XV в. жетоны начинают выпускаться в Нюрнберге. Считается, что Нюрнберг был единственным германским городом, в котором чеканились жетоны, но на самом деле это не так. Счетные пфенниги выпускались также в Пруссии, Саксонии, Богемии, известны крупные серии жетонов из Ганновера [6].

Однако за Нюрнбергом оставалась пальма первенства в производстве жетонов. С середины XVI в. этот город стал главным экспортером счетных пфеннигов в другие европейские страны, в том числе и в Россию. Самые ранние серии были представлены в основном небольшими жетонами (приблизительно 2 см в диаметре), которые чеканились из латуни. Изображения на них были очень разнообразны: шахматные слоны, лошади, обезьяны, щиты, а также держава, которая была торговой маркой Нюрнберга. [5. С. 17–18]

В середине XVI в. счетные жетоны приобретают наибольшую популярность, именно в это время Нюрнберг становится безоговорочным лидером в их чеканке. Несмотря на то, что монетных

мастеров, выпускавших счетные пфенниги, было много, в их производстве доминировали четыре семьи (фирмы) – Шультес, Краувинкель, Лауффер и Лауэр [7].

В это время происходят некоторые изменения в чеканке счетных жетонов – общий облик жетонов упрощается, на многих из них появляется имя мастера. Некоторые серии счетных пфеннигов разных мастеров были очень схожи – большую популярность получили жетоны с изображением на лицевой стороне державы (*reichsapfel*) в драйпасе² (*dreipass*), а на оборотной – кольца из чередующихся корон и лилий. При этом внешнее различие было только в легенде, остальные элементы были практически идентичны. Этот вид жетонов был распространен около 1550–1630 гг. Другие виды жетонов были представлены изображениями корабля, Венецианского льва или купца, ведущего счет на жетонах. В дополнение к этим основным сериям существовало множество жетонов-медалей, чеканившихся в основном Хансом Краувинкелем и Вольфом Лауффером, иногда в очень небольшом количестве [6].

Главное отличие производства нюрнбергских жетонов от французских и датских заключалось в том, что они никогда не чеканились по заказу государства. Производство счетных пфеннигов было чем-то вроде частного предпринимательства, когда сам мастер выбирал наиболее популярные сюжеты для будущих жетонов, сам чеканил и сам занимался их реализацией. Так, у самого известного мастера Ханса Краувинкеля были личные представительства в Париже и Амстердаме [4]. Скорее всего, именно рыночное производство счетных жетонов привело к такому широкому их распространению, как на территории Западной Европы, так и в России – вплоть до Сибири. Как уже упоминалось выше, одной из отличительных особенностей счетных жетонов является указание в легенде имени мастера, который их чеканил. В первую очередь именно эта информация дает возможность датировки жетонов, так как по письменным источникам установлены годы работы большинства мастеров, чеканивших жетоны.

Помимо имени мастера, на счетных жетонах присутствуют элементы, которые позволяют сузить датировку, однако для разных категорий жетонов эти элементы отличаются, поэтому необходимо рассмотреть их отдельно. По внешнему

¹ Термины «счетные жетоны» и «счетные пфенниги» в настоящей статье употребляются как синонимы.

² Драйпас – сложная геометрическая фигура, состоящая из трех чередующихся дуг и углов.

оформлению счетные жетоны из археологических памятников Западной Сибири XVI–XIX вв. можно разделить на 3 группы: 1) жетоны с изображением державы в драйпассе; 2) жетоны с изображением произвольных сюжетов на библейские, мифологические, бытовые темы; 3) жетоны с изображением портрета реально существовавшего лица (монарха) либо геральдического рисунка.

Наибольшее количество обнаруженных жетонов относится к первой группе. Помимо имени мастера, дополнительной датирующей характеристикой этой группы жетонов является изображение державы в драйпассе. В соответствии с имперским законом 1571 г. на германских монетах стали помещать это изображение, которое вскоре появилось и на счетных жетонах. В целом, судя по каталогу Mitchiner [5], такой декоративный элемент, как держава в драйпассе, был особенно популярен во второй половине XVI – первой трети XVII в. Жетоны второй группы малочисленны и, как правило, не имеют дополнительных датирующих элементов, так как изображенные на них сюжеты очень редко указывают на время их чеканки. Более точную датировку обеспечивают жетоны третьей группы, так как, помимо времени работы мастера, известны годы правления того или иного монарха, изображенного на аверсе счетного пфеннига. Например, счетные жетоны с изображением Людовика XIII (1610–1643), изготовленные мастером Вольфом Лауффером II (1612–1651), имеют датировку 1612–1643 гг.

Тема, связанная с изучением монет XVI–XIX вв., в отечественной нумизматике разработана достаточно полно. Особенно необходимо отметить исследование датировки проволоочных монет XVI–XVII вв., проведенное А.С. Мельниковой [8]. На основе поштемпельного анализа¹ ею была составлена дробная хронологическая шкала проволоочных монет от Ивана Грозного до Петра Первого. Если анализ легенды монеты позволяет датировать ее не точнее годов правления, во время которого она была отчеканена, то поштемпельный анализ дает возможность сузить датировку до одного или нескольких лет. Несмотря на имеющуюся возможность, поштемпельному анализу была подвергнута только небольшая часть монет из могильников Западной Сибири XVI–XIX вв. Первой и самой главной причиной этого является их плохая сохранность. Во-первых, большинство из них

долгое время было в обращении до попадания к аборигенам Сибири, что приводило к стиранию легенды на монетах. В некоторых случаях легенда была полностью нечитаемой, и, соответственно, датировка таких монет была затруднительна.

Во-вторых, значительная часть монет использовалась аборигенным населением в качестве украшения. Как правило, для подвешивания на одежду в монетах пробивали отверстие, которое очень сильно искажало рисунок и легенду. Если по остаткам легенды можно было установить имя царя, при котором чеканилась монета, то подвергнуть ее поштемпельному анализу было практически невозможно.

В-третьих, часть монет осталась нечитаемой вследствие коррозии, которой они подверглись, пролежав в земле несколько столетий. В первую очередь это касается медных проволоочных монет, в большинстве случаев коррозия полностью съела их легенды и изображения. Однако медные проволоочные монеты, в отличие от серебряных, имели очень ограниченный срок чеканки – с 1655 по 1663 г. [8. С. 212–220] – и датируются этим временем вне зависимости от изображения и легенды.

Помимо перечисленных выше объективных причин, не позволивших провести дробную датировку с использованием поштемпельного анализа, имеется ряд субъективных. К сожалению, исследователи в своих публикациях часто пренебрегают подробным описанием нумизматического материала. Как правило, при описании монет исследователи упоминают лишь их номинал, материал, из которого они сделаны, и имя царя, при котором они были отчеканены. Для проведения же поштемпельного анализа необходимы фотографические копии монет. Датировка монет XVIII–XIX вв. в целом не вызывает особых сложностей, так как, начиная с денежной реформы Петра I, на всех монетах начали ставить год чеканки.

Рассмотрев процедуру датировки самих нумизматических источников, необходимо осветить вопрос датировки погребальных комплексов, в которых были обнаружены монеты и счетные жетоны. В процедуре датировки необходимо учитывать разницу между датой чеканки монеты или жетона и датировкой погребений, в которых они были обнаружены. В действительности эти даты могут различаться более чем на сто лет. Именно

¹ Поштемпельный анализ – это метод определения датировки монет с помощью сравнения изображения их аверса и реверса (более подробно см. [8. С. 11–13]).

поэтому необходимо детально разобраться в том, какой по продолжительности путь «проходили» монеты и счетные жетоны от момента чеканки до попадания в погребение. Этот путь можно условно разделить на три этапа. Первый этап – время функционирования монет и счетных жетонов в той культурной среде и с теми целями, для которых они были созданы. Монеты и счетные жетоны изначально не были созданы для того, чтобы стать украшением для аборигенных народов Сибири, а имели иные функции, которые они выполняли в России (русские монеты) и в странах Западной Европы (жетоны).

Второй этап – время доставки монет и счетных жетонов на территорию Сибири, до момента попадания их в культуру аборигенов Сибири. Изучение данного этапа немаловажно, так как в литературе по этому вопросу возникла дискуссия [9. С. 62; 10. С. 150, 152], в центре которой стоял вопрос о продолжительности этого этапа и его влиянии на датирующие свойства нумизматических источников.

Третий этап – время функционирования монет и счетных жетонов в культуре аборигенного населения Сибири. После попадания нумизматических источников в культуру аборигенов Сибири они приобретали иные функции по сравнению с теми, для которых они были созданы. Чаще всего монеты и счетные жетоны использовались в качестве украшений, и после смерти их владельца либо укладывались вместе с ним в могилу, либо передавались по наследству. Некоторые этапы пути счетных жетонов и монет имеют специфические отличия, и поэтому их необходимо рассматривать по отдельности.

Краткий экскурс в историю счетных жетонов показывает, что к концу XVI века они утратили функцию инструмента счета и чеканились уже как дешевые сувениры. И именно в качестве сувениров они пользовались спросом у русских купцов, которые в Сибири обменивали их на драгоценный мех. Очевидно, счетные жетоны недолго задерживались на складах в Нюрнберге и поступали в продажу сразу же после их чеканки. Судя по объемам их производства, это был очень ходовой товар. Очень любопытны в этом плане свидетельства поставки счетных жетонов, которые оставил шведский дипломат Иоганн Филипп Кильбургер. В росписи немецких товаров за 1671 г. фигуриру-

ют «четыре ящика счетных пфеннигов» [11. С. 125], что говорит о достаточно крупных партиях этих сувениров, ввозившихся в Россию в XVII в. Еще одним свидетельством того, что счетные жетоны ввозились целыми партиями, а не случайно собранными разрозненными экземплярами, служат сами находки жетонов в погребениях. В большинстве случаев в погребениях встречаются счетные жетоны одного мастера и нередко отчеканенные одним и тем же штампом [1, 12, 13].

И, наконец, косвенным свидетельством того, что счетные жетоны, которые поступали в Сибирь, не использовались в Европе ни в качестве счетного средства, ни в виде фишек для карточных игр, а поставлялись напрямую на российский рынок, служит почти идеальная сохранность рельефа легенды и изображения жетонов. Абсолютное большинство жетонов из погребений Западной Сибири имеют рельеф легенды и изображений практически идеальной сохранности. Дело в том, что изображения на счетных жетонах имеют много мелких деталей, которые при постоянном использовании (в качестве счетов или карточных фишек) обязательно бы затирались, и в целом были бы видны следы износа¹.

Оценивая факты, изложенные выше, можно сделать вывод, что, вероятно, большая часть счетных жетонов из могильников Западной Сибири XVI–XIX вв. отправлялась в Россию, а далее в Сибирь через непродолжительное время после чеканки. Вероятнее всего, они не имели хождения на территории Западной Европы, а также вряд ли жетоны долго задерживались на складах.

Второй этап – это время доставки счетных жетонов из Западной Европы в Сибирь. Находки счетных пфеннигов – уникальное явление для Сибири, так как прежде чем появиться здесь, им предстоял длинный путь из Западной Европы (Германии). В связи с этим встает резонный вопрос: если жетоны поступали из таких отдаленных для Сибири территорий, то их путь мог занимать большой промежуток времени. Чтобы подтвердить или опровергнуть это, мы попытаемся рассмотреть пути проникновения счетных жетонов в Сибирь и приблизительно оценить время, необходимое для транспортировки пфеннигов от места их чеканки до конечного пункта назначения².

¹ Данный вывод был сделан на основе личных наблюдений автора статьи при обработке коллекций счетных жетонов из могильников Томской области.

² Впервые идея проследить пути проникновения счетных жетонов в Сибирь была высказана Б.В. Мельниковым [10. С. 150–152].

Условно разделим время проникновения счетных пфеннигов на два периода: 1. Западная Европа – Архангельск (этот город являлся главным центром торговли России с европейскими странами); 2. Архангельск – сибирские города-остроги (Верхотурье, Мангазея, Тара, Нарым, Томск и др.). Мы не будем подробно останавливаться на первом этапе, так как транспортировка счетных жетонов из Нюрнберга в Россию, очевидно, не занимала много времени. Уровень развития кораблестроения и навигационного дела в Западной Европе был к этому времени достаточно высок, и корабли могли покрывать значительные расстояния за относительно небольшой интервал времени.

Наибольший интерес вызывают торговые пути на территории России и Сибири, так как большие расстояния и суровые условия климата являлись серьезным препятствием для продвижения русских торговых людей на восток. На основании письменных источников С.В. Бахрушин [14. С. 72–136] выделил три основных пути в Западную Сибирь в XVI–XVII вв.: Печорский «чрезкаменный» путь, морской путь и пути по Каме. Общее протяжение «чрезкаменного» пути от Соли Вычегодской до Березова исчислялось в 1656 г. ямщиками в 3000 верст. На прохождение его, по расчету, имеющемуся в «Списке с чертежа Сибирские земли» 1672 г., требовалось 13 недель 4 дня [14. С. 73]. На время прохождения морского пути влияло много факторов: погода, наличие попутного ветра, льдов и др., однако в среднем путь «морем-окияном» занимал приблизительно 3–4 месяца [14. С. 89]. Камский путь от Соли Камской до Верхотурья составлял примерно 263 версты. Для прохождения этого расстояния требовалось 8–10 дней: «зимней порой... приезжают от Соли Камские на Верхотурье в 8 дней, а в которое время и дорога попортится, ино день в 9 или 10» [14. С. 106].

Анализ торговых маршрутов в Западную Сибирь в XVII в. показывает, что товары из европейской части России могли попадать в Сибирь за относительно короткое время. Можно уверенно говорить, что время, необходимое для транспортировки счетных жетонов из Западной Европы в г. Архангельск, а затем на сибирский рынок не превышало одного-двух лет.

Третий этап – время функционирования счетных жетонов в культуре аборигенного населения Сибири. После попадания счетных жетонов в Сибирь они приобретали функцию украшений¹. При этом нужно учесть, что традиционные народы Си-

бири вкладывали в украшения не только эстетический, но и культовый, религиозный смысл. В этнографии сибирских народов есть немало свидетельств о том, что вещи, попавшие в культуру, передавались по наследству как семейные или родовые реликвии. Таким же образом могли передаваться по наследству и украшения, в состав которых входили монеты и счетные жетоны. Вследствие этого они могли оказаться в погребении спустя значительное время после их попадания в культуру. Если они передавались через 2–3 поколения, то это время могло составлять сто и более лет.

Несмотря на то, что перечисленные выше факты сужают возможности нумизматических источников для точной датировки, имеется ряд фактов, позволяющих сделать процедуру датировки более четкой. В погребениях Западной Сибири XVI–XIX вв. в обилии встречены предметы русского импорта, которыми в том числе являются монеты и счетные жетоны. С началом русской колонизации на сибирский рынок стала поступать масса разнообразных товаров, которые в литературе объединяют под общим названием – русский импорт. Если в предыдущее время импортные изделия, особенно из металла, доходили до аборигенного населения Сибири в единичных экземплярах, то с приходом русских они стали исчисляться десятками и сотнями (о чем свидетельствуют записи Таможенных книг), значительно расширился и ассортимент товаров. Импортные украшения и предметы быта стали более доступны для аборигенного населения, чем раньше.

В исследованиях по этнографии народов Сибири нет четких сведений относительно традиции передачи определенных категорий вещей по наследству, и сейчас практически невозможно точно узнать, какие из вещей в захоронениях достались погребенному от его старших родственников. Однако логично предположить, что при увеличении количества импортных товаров их ценность уменьшается и, соответственно, уменьшается необходимость передачи их по наследству. Таким образом, можно предполагать, что большинство предметов, которые вкладывались с покойным, прибыло в Сибирь в период его жизни. Соответственно, время бытования монет и счетных жетонов, как и большинства остальных предметов русского импорта в культуре аборигенного населения Сибири, можно ограничить в пределах жизни их владельца.

Несомненно, что это условное допущение, которое в одних случаях может работать, а в иных – нет. Вместе с тем его можно использовать в каче-

¹ Об этом свидетельствуют отверстия в счетных жетонах, сделанные для пришивания к одежде. Также нередки находки жетонов в составе сложных украшений, например нагосного [15] или головного убора [16].

стве отправной точки для датировки погребальных памятников Западной Сибири XVI–XIX вв., но учитывая при этом сравнительную датировку остальных категорий инвентаря погребений.

Датировка погребальных комплексов с помощью монет оказывается значительно сложнее, чем счетных жетонов. Путь монет от места чеканки до попадания их в могилу был, как правило, более продолжительным и более неопределенным. Самые большие сложности вызывает первый этап функционирования монет – обращение их в России в качестве денег. В отличие от счетных жетонов монеты чеканились с целью функционирования в качестве платежного средства. Выйдя из монетного двора, монеты имели хождение по всей территории России, и могли пройти десятки, а то и сто лет, прежде чем они попадали к аборигенному населению Сибири. Для более точной характеристики этого процесса необходимо обратиться к истории денежного обращения в России того времени (XVI–XIX вв.).

Особенностью монетного обращения XVI–XVII вв. является то, что при появлении новых монет, например после коронации нового царя, старые монеты продолжали ходить наравне с новыми. Более того, в результате фискальной политики государства, которое постоянно уменьшало вес монет и пробу серебра, население больше доверяло «старым» монетам, которые продолжали «ходить» в течение продолжительного времени после их чеканки. Это обстоятельство очень сильно влияет на точность датировки с использованием монет, так как монеты, обнаруженные в погребениях, могли иметь длительное хождение в России, прежде чем они попадали к сибирским аборигенам. Единственной возможностью уточнить время «хождения» монет является выделение в истории денежного обращения России этапов, когда правительство целенаправленно изымало из обращения «старые» и вводило «новые» монеты.

Отправной точкой мы возьмем денежную реформу Елены Глинской 1535–1538 гг. Главной целью реформы стала централизация производства денег и приведение новых монет к единому оформлению и единой весовой норме. Одновременно с введением новых денег вводился запрет на обращение «старых», чеканенных до реформы: «Видимо, в первую очередь изымались из денежного обращения резаные и низкопробные монеты, затем пришла очередь старых новгородок, и уже на завершающем этапе реформы были запрещены старые московки...» [8. С. 20]. В итоге реформы «денежное обращение Русского централизованного государства после 1535–1538 гг. очень скоро

полностью очистилось от старых монет, и новые монеты, имевшие единообразное оформление и единую весовую норму, заняли господствующее положение в русской экономике» [8. С. 28].

Следующей опорной точкой является денежная реформа Михаила Федоровича. «В первые годы царствования Михаила происходила смена состава денежного обращения: монеты трехрублевой стопы сменялись монетами четырехрублевой стопы» и к 1618 году «...в кладах постепенно исчезнут монеты трехрублевой стопы, составлявшие в ранних кладах Михаила иногда до 60–80% их состава», так как «казна активно меняла «с наддачей» старые монеты на новые» [8. С. 163]. Таким образом, к концу второго десятилетия XVII в. произошло полное обновление монетной системы, когда дореформенные монеты практически полностью были вытеснены «новыми».

Третьей опорной точкой служит денежная реформа Петра I (1696–1718 гг.), которая по характеру была похожа на реформу Елены Глинской. Петр I стремился упорядочить и модернизировать денежную систему. Постепенно и последовательно в денежный оборот вводятся новые номиналы монет, весовая норма рубля приводится к общеевропейской весовой норме талера, появляются медные деньги [17. С.106]. Помимо ввода в денежный оборот новых монет, правительство Петра I постепенно изымало из обращения старые. Несмотря на то, что на денежных дворах чеканка проволочных монет продолжалась до 1718 г., в планах Петра было желание полностью избавиться от этого устаревшего типа монет. Государство усиленно скупало у населения проволочные монеты, выпущенные до реформы, а после 1718 г. постепенно вывело из оборота в том числе и проволочные монеты, отчеканенные при Петре I [17. С. 104].

Таким образом, в XVI–XVIII вв. в истории денежного хозяйства русского государства полная замена монет происходила три раза: во время денежной реформы Елены Глинской (1535–1538 гг.), денежной реформы Михаила Федоровича (замена монет была проведена к 1618 г.) и во время денежной реформы Петра I (1696–1718 гг.). В свою очередь, в периоды между этими реформами все вновь выпускаемые монеты обращались вместе со старыми. Таким образом, например, монеты, выпущенные во время правления Михаила Федоровича, были в обращении при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче.

Подтверждением протяженного срока хождения проволочных монет являются клады первой половины XVI–XVII в. В качестве примера можно привести кладку погибших русских мореплавате-

лей, осваивавших север Сибири, найденную на побережье залива Симса и на острове Фаддея [18. С. 114, 118–127; 19. С. 136–151].

Не вдаваясь в особенности дискуссии, возникшей вокруг данного клада, необходимо подчеркнуть два момента. Во-первых, в соответствии с новейшими исследованиями А.С. Мельниковой датировка казны определяется 1617 г. Во-вторых, структура находки в общих чертах совпадает со структурой синхронных по времени кладов и в целом отражает систему денежного хозяйства России того времени [19. С.143, 148].

Рассмотрим подробнее структуру этого клада (составлена по: [18. С.114. табл.1]):

Правление	Кол-во монет	% соотношение
Иван Васильевич III (1462–1505)	2	0,06
Иван Васильевич IV князь (1533–1547)	411	11,81
Иван Васильевич IV царь (1547–1584)	760	21,83
Царь Федор Иванович (1584–1598)	666	19,13
Царь Борис Федорович Годунов (1598–1605)	930	26,72
Лжедмитрий (царь Дмитрий Иванович) (1605–1606)	136	3,91
Царь Василий Иванович Шуйский (1606–1610)	332	9,54
Интервенция (1610–1612)	86	2,47
Царь Михаил Федорович с 1613 г.	158	4,54
Итого	3481	100

Анализируя структуру клада, можно заметить, что монеты второго десятилетия XVII в. составляют всего 7,01%, в то время как монеты XVI в. составляют более 52,77%, при этом 11,81% из них датируются первой половиной XVI в. Таким образом, анализ структуры клада показывает, что датировка более половины монет клада не соответствует дате его захоронения более чем на 20 лет, а 11,81% монет – более чем на 68 лет.

При определении даты захоронения кладов за основу берется самая «молодая» монета. При этом обязательно учитываются состав и структура клада, общее количество монет, основные тенденции развития денежного хозяйства. Находки монет в погребениях XVI–XIX вв. на территории Западной Сибири кардинально отличаются от обычных кладов. Основное и решающее отличие – это количество монет в закрытом комплексе. Если в кладах они насчитываются сотнями и тысячами, то в погребениях XVI–XIX вв. на территории Западной Сибири они представлены единичными экземплярами, и только в очень редких случаях их количе-

ство превышает десяток в одном комплексе. Таким образом, при датировке погребений необходимо учитывать, что монеты еще до попадания в культуру аборигенов Сибири могли несколько десятков лет иметь хождение на территории России в качестве платежного средства. И в отличие от кладов для погребений с единичными находками монет мы не можем точно определить этот временной интервал. Монета с той же вероятностью могла попасть в Сибирь в тот год, когда ее отчеканили, а могла прибыть туда через сто или более лет.

Второй этап – время доставки монет на территорию Сибири в целом совпадает с аналогичным этапом для счетных жетонов. Монеты привозились в Сибирь купцами, которые вместе с товаром везли с собой наличные деньги для различных расчетов (таможенных и др.). Считается, что в Сибири купцы редко обменивали серебряные монеты на товары, которые им предлагали сибирские аборигены. Это было невыгодно, и купцы для обмена специально везли с собой массу украшений из более дешевого металла (меди, бронзы, олова). Этот факт подтверждается и археологическими материалами – среди нумизматических находок серебряные монеты встречаются редко, в отличие от счетных жетонов.

Третий этап – это время функционирования монет в культуре аборигенного населения Сибири. С одной стороны, монеты, как и счетные жетоны, использовались аборигенным населением Западной Сибири в качестве украшений одежды. С другой стороны, по мере вовлечения в товарно-денежные отношения с русским населением, аборигены воспринимали монеты уже как денежное средство. Об этом, например, свидетельствуют захоронения второй половины XVIII–XIX в., где монеты в основном были обнаружены в области тазобедренных костей с остатками кожаных кошельков [20. С. 57]. Однако и в первом, и во втором случаях наиболее вероятным является то, что монеты принадлежали погребенному и попали к нему во время его жизни.

Таким образом, при датировке погребений с нумизматическими находками мы точно можем зафиксировать только нижнюю хронологическую границу, которая соответствует дате чеканки монеты или жетона. Верхняя хронологическая граница определяется достаточно условно и зависит от типа нумизматических находок. Для погребений со счетными жетонами она вычисляется с помощью прибавления к верхней дате жетона возраста погребенного. Для погребений с монетами процедура значительно усложняется, так как они, в отличие от жетонов, могли иметь большой срок

хождения еще до попадания к аборигенному населению. В данном случае необходимо детально рассматривать степень износа, а также предельные сроки хождения того или иного типа монет. Так, для серебряных копеек XVII в. верхней датой хождения является 1718 г. – дата окончания чеканки проволочных монет [17. С. 108–109]. Таким образом, для погребений с серебряными копейками XVII в. верхняя хронологическая граница вычисляется с помощью прибавления к 1718 г. возраста погребенного.

Счетные жетоны и монеты являются уникальными датирующими находками для погребений Западной Сибири конца XVI–XIX в. Более того, при отсутствии иных способов датировки они остаются единственным датирующим материалом. При этом необходимо учитывать, что датировка по нумизматическим источникам представляет собой достаточно сложную, многоуровневую процедуру. Это особенно важно при использовании погребений с монетами и жетонами в качестве эталонных датирующих комплексов для сравнительной датировки археологических комплексов, где нумизматические находки отсутствуют. Эта процедура является следующим шагом на пути построения хронологии археологических памятников Западной Сибири XVI–XIX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корусенко М.А., Милиценко О.А. Счетные пфенниги из памятников в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2002. С. 110–121.
2. Пушкарев А.А. Основные проблемы хронологии и периодизации могильников эпохи позднего средневековья Сибири // Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск, 2006. С. 90–92.
3. Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI–XVII в. таежного Причулымья в свете археологии и археоботаники: (Опыт комплексного исследования одного кургана). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010.
4. *Jetons: Their Use and History.* – Режим доступа: <http://www.chicagocoinclub.org/projects/PiN/juh.html>
5. *Mitchener M.* Jetons, Medalllets and Tokens. Vol.1 Medi-aeval period & Nuremberg. Seaby, 1988.
6. *Jettons or Reckoning Counters.* – Режим доступа: <http://www.mernicks.freeseve.co.uk/jetton/>
7. *Jetons – a brief history.* 2002. – Режим доступа: <http://users.bigpond.com/gcates/getons/>
8. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М.: Финансы и статистика, 1989.
9. Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 184 с.
10. Мельников Б.В. Поздние погребальные памятники Таежного Прииртышья // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 142–156.
11. Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.
12. Спасский И.Г. Счетные жетоны // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. С. 130–138.
13. Боброва А.И., Пушкарев А.А. Счетные пфенниги 17 века в Нарымском Приобье // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Кемерово, 2004. С. 348–350.
14. Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III, Ч. 1.
15. Богомолов В.Б., Мельников Б.В. Накосное украшение XVII в. из Черталинского могильника // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1996. С. 49–58.
16. Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить» (Сборник, посвященный памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева). Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 179–187.
17. Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С. Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М.: Стрелец, 2000.
18. Спасский И.Г. Денежная казна // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. С. 112–129.
19. Мельникова А.С. Таймырский клад русских монет XVII в. // Хранитель Эрмитажа: сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И. Г. Спасского (1904–1990). СПб.: Государственный Эрмитаж, 2004. С. 136–151.
20. Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007.